

Осторожно, злющая собака

– Теодор, вылезай из машины! И выключи свой планшет! – крикнула мама. Она стояла рядом с папой на крыльце заброшенного дома и искала в сумке ключи.

Да это даже не дом, а развалюха какая-то. Крыша как будто набок съехала, окна вообще разбиты. А во дворе крапива и лебеда мне по пояс.

Я вылез из машины и хлопнул дверцей. Где-то хрипло надрывался петух. От него не отставал поросёнок и похрюкивал так, словно дудел в тромбон: «Хрю-хрю, ух-ух».

– Вот это музыка! Настоящая, деревенская. А название-то у деревни какое – Кайвакса! Просто песня, – сказал папа.

Он с трудом повернул ключ и снял ржавый замок с рассохшейся деревянной двери.

– Ну, чего стоишь? Заходи.

– Давай, давай, – подтолкнула мама. – Смелее, тебе здесь понравится.

Понравилось, ничего не скажешь! Я ходил по дому и осматривался. Кругом пахло пылью. По углам кружева из паутины, на шершавых подоконниках сухие мухи лежат. Им, наверно, уже лет сто, не меньше.

Самой ужасной оказалась кухня. Со стен лоскутами обои свисают, на плите – коричневые пятна жира. Я заглянул в кастрюлю, а там на дне плесень. Зато печь огромная, в полдома, и удивительно белая. Будто здесь домовая живёт или печеновой, не знаю, как он там точно называется, и эту печь сам белит каждый год. Мне даже показалось, что она ещё тёплая. В ней окошки выемками, как настоящие бойницы. Правда, в этих окошках носки какие-то шерстяные лежат, железные банки из-под консервов и гвозди ржавые.

– И как мы здесь жить будем? – я с тоской посмотрел на родителей.

– Замечательно! Дом хороший, крепкий, – бодро отозвался папа.

Он с силой постучал кулаком по стене, на которой висела деревянная полка. Полка всхлипнула, оторвалась и повисла, раскачиваясь на единственном гвозде.

– Ничего, всё подлатаем, – не унывал папа.

– И вымоем. Будет как новенький! – поддакнула мама. – И потом, ты же знаешь, свежий воздух...

– Да-да, очень полезен для растущего организма, – продолжил я за неё.

Мои родители получили в наследство этот дом от троюродной бабушки. Я в глаза её никогда не видел и раньше даже не знал о ней. Родителям хорошо, они оба журналисты, из любой точки мира могут работать. Уткнутся в свои ноутбуки и строчат статьи для журналов. Мама про моду, папа про машины. А я? Да у меня все друзья в Питере остались. Что я в этой деревне делать буду?

Мама отжала в ведре тряпку, нарядила в неё длинную швабру и посмотрела на меня:

– Сынок, сходи в магазин. Найдёшь дорогу?

– По навигатору дойду.

– Теодор, я сказала, убери немедленно планшет!

– Ладно, – буркнул я, всё ещё злясь на родителей. – Что купить?

– Десяток яиц, три йогурта и печенье к чаю.

Кстати, Теодор – это я. Так меня назвали в честь дедушки по маминой линии, а он грек по национальности. Я горжусь, что ношу его имя, ведь дедушка был самым знаменитым пожарным в своём городе. От него мне достались чёрные кудрявые волосы и смуглая кожа. А от папы я получил голубые глаза и фамилию Семечкин. Так я и стал Теодором Семечкиным, а друзья зовут меня Тедди. Каждое лето я ездил к дедушке в Грецию. Мы и сейчас там

отдыхали. Но из-за этого дома пришлось вернуться в середине лета, когда море самое тёплое. Как я надеялся, что наконец-то плавать научусь! А теперь меня в эту глухомань загнали...

Выйдя на улицу, я сразу принюхался. Запах здесь сладкий, душный и горький одновременно. Ещё совсем недавно пели птицы и сумасшедший петух орал. А сейчас тишина, только шмель мимо пролетел и прожужжал над моим ухом.

По дороге я встретил старушку в прямоугольном платье – будто мешок, только в мелкий цветочек. А на голове у неё настоящая корзина сплетена из седых волос. Рядом с ней шла корова, позвякивая железным колокольчиком на шее, и на ходу срывала траву. Я посторонился. Встречаться вот так запросто лицом к лицу, а точнее – лицом к морде – мне с коровами ни разу не доводилось.

– Чего-то я тебя не узнала. В гости к кому приехал? – спросила старушка, смешно окая.

Корова остановилась и продолжила безучастно жевать траву.

– Не, мы теперь здесь живём во-он в том доме-развалюхе, – я махнул рукой.

– А-а, так там раньше бабка Шура жила. Ты внук её, что ли?

– Ну, можно и так сказать.

– А чего же не здороваешься-то? У нас в деревне все друг с другом здороваются. Я, кстати, Бабзоя.

– Извините, – я смутился. – Здравсьте.

– Ты в каком классе-то учишься?

– В пятый перешёл.

– Вот Генка-то обрадуется!

Довольная Бабзоя кивнула и пошла дальше. А корова послушно побрела за ней, даже не взглянув на меня.

«Что это за Генка такой?» – думал я, разглядывая дома по обе стороны дороги. Они напоминали огромные банки с разноцветной гуашью. Около одного такого дома стояло мохнатое дерево с иголками, а под ним песочница, в которой возились малыши. Я удивился, что рядом совсем не было родителей. У нас в городе на площадке, кажется, мамочек больше, чем самих детей.

Вообще, деревня небольшая оказалась. Всего-то домов тридцать. Я взбивал жёлтую пыль на песчаной дороге и вскоре вышел к магазину.

У входа стоял полицейский в форме, здоровый, как холодильник, и держал в руках пакет. Пакет время от времени подпрыгивал оттого, что полицейский всё старался втянуть голову в плечи.

Полицейский отчитывал рыжего лохматого мужчину в рваной одежде. Мужчина покачивался и всё время улыбался.

– Серёга, – говорил полицейский, – вон на пилораму работать бы устроился.

– Так не берут, шершемушель, – отвечал Серёга.

– А тебе известно, почему не берут?

– Известно, – согласился Серёга. – Ноу пасижу тужу-мужу. Мусье Синицын, дай столыжник в долг.

Полицейский махнул рукой, протянул ему батон из пакета и отсыпал немного конфет.

Я уже открыл дверь в магазин, когда меня окликнул лохматый Серёга:

– Эй, паренёк.

– Не вздумай у детей деньги кланчить! – строго сказал полицейский. – Это уже уголовная статья. Вымогательством называется.

Не хотел бы я с таким Серёгой ночью повстречаться. От такого чего угодно ожидать можно!

Вот магазин интересный. Я в таких никогда не был. Прилавок с продуктами буквой П расположен. У двери печка железная, рядом поленья сложены в картонную коробку. У большого окна две скамейки. А за прилавком – касса.

За кассой стояла полная женщина в голубом переднике с такими же голубыми тенями на веках. Она взвешивала варёную колбасу длинному и худому, как лыжа, старичку со светлым пухом вокруг лысины. Старичок зачем-то повязал толстый шерстяной платок на поясницу. Я удивился – на улице жара, а он так утепился.

– Здравсьте, – сказал я с порога.

– Забор покрасьте, – отозвался дедушка в платке скрипучим голосом. – Приехали городские, даже поздороваться толком не могут.

– А вы откуда знаете, что я из города?

– У нас в деревне всё про всех знают. Так что даже не вздумай чего-нибудь натворить.

Только я хотел сказать, что ничего такого делать не собираюсь, как он снова заскрипел:

– Знаю я вас! Все вы сначала хорошенькие, а потом у меня антенны на крыше пропадают и эхолоты с нужной частоты сбиваются.

– Хватит тебе, Деда-Егор, – сказала продавщица. – Ты со своими инопланетянами всем надоел! Никому твои антенны не нужны.

– Они мне нужны! – тут же вскипел Деда-Егор. – Я должен быть подготовлен к встрече с внеземным разумом.

Продавщица махнула рукой и повернулась ко мне:

– Тебе чего, мальчик?

Я купил яйца и печенье. Йогурта в магазине не оказалось. И уже собрался уходить, когда меня окликнула продавщица:

– Постой, мальчик. С Генкой-то уже познакомился?

– Нет, а кто это?

– Ну, сам увидишь. А меня, кстати, тётя Лена зовут.

Я кивнул и отправился домой. Эта деревня мне совсем не нравилась: странные здесь все какие-то. И ещё этот Генка. Не хочу я ни с кем знакомиться.

Проходя мимо голубого дома, я увидел на заборе табличку «ОСТОРОЖНО! ЗЛЮЩАЯ СОБАКА». Мне даже интересно стало, кто там прячется? Вдруг бультерьер? Или ротвейлер? Или вообще огромный алабай? Тогда почему забор такой низкий? Его же в два счёта перепрыгнуть можно! А может, эта собака и есть Генка?

На всякий случай я спрятал пакет с яйцами за спину, осторожно приблизился и заглянул в щель между досками забора. В то же мгновение оттуда высунулась крохотная мордочка с носом-пуговкой и истошно завизжала: «Тяв-тяв-тив-тив-ав!»

От неожиданности я отскочил и замер посреди дороги. Вдруг из-за угла вылетел рыжий мальчишка на велике. Он просвистел мимо меня, вывернул руль и врезался в забор.

Я еле успел увернуться в другую сторону, споткнулся и упал в кусты крапивы. Под собой услышал хруст. А собака испугалась и скрылась где-то во дворе.

От обиды в горле у меня комок разбух. Хотелось плакать. Мальчик с румяным лицом в крупных веснушках вылез из-под велосипеда и подбежал ко мне:

– Смотри, где стоишь!

– Сам смотри, куда едешь! – выкрикнул я, изо всех сил сдерживая слёзы.

– Ну всё, сам напросился, – он выставил вперёд кулаки, – поднимайся, я лежачих не бью.

Он был крупнее меня. А, значит, сильнее. Я всё ещё, как дурак, лежал в кустах крапивы.

– У меня папа мастер спорта по дзюдо, – соврал я, – мы с ним каждый день тренируемся.

– Ага, поэтому ты в кусты отлетел, да ещё и штаны от страха обмочил.

И тогда я почувствовал под собой что-то мокрое. На моих белых шортах растеклось жёлтое пятно от яиц.

– А-ха-ха, ладно, дзюдоист, вставай. Покажи приёмчик, – и он протянул мне руку.

В ответ я протянул ему свою. Одним прыжком поднялся с земли и зачем-то выпалил, что не знаю никаких приёмов и папа у меня вовсе не мастер спорта.

– Хых, так и знал! А у меня родители геологи. Они сейчас в экспедиции. Домой только в самом конце лета приедут.

– И ты один живёшь? – удивился я.

– Не-е, с бабушкой. Она за мной присматривает. А чего присматривать? Здесь всё равно скучно и заняться нечем. Одна мелюзга бегает или совсем взрослые пацаны. Зато я себе велик сделал, смотри, какие колёса.

Велик и вправду крутой. Колёса большие, от мопеда, наверно. Руль блестящий, со старинным клаксоном, а спицы цветными катафотами увешаны.

Рыжий мальчик постучал кроссовкой по колесу.

– До пятидесяти кэмэ в час разгоняется. А ты где живёшь?

– Там, – я махнул рукой, – в конце деревни.

– В заброшенном доме?

– Ага.

– Так мы ж с тобой соседи! Меня Генка зовут.

– А меня Теодор.

– Ка-а-ак? Те-о-дор? – он будто попробовал моё имя на языке и сморщился, как от пересоленного огурца.

– Друзья меня Тедди зовут.

– О, вот это сойдёт, – кивнул он.

Мы пожали друг другу руки, и я подумал, что здесь можно было бы и остаться. Совсем ненадолго, на пару дней.

– От родителей, наверно, влетит за разбитые яйца? – Генка посмотрел на мои испачканные шорты.

– Расстроятся, это точно, – я почесал выступившие на руке волдыри от крапивы.

– Пойдём. Я тебе кое-что дам, – он поднял велик и покатиł его.

Оказалось, что Генка живёт в двухэтажном доме с ярко-зелёными наличниками на окнах.

– Сам красил, – Генка небрежно кивнул в сторону окон, и я тут же проникся к нему уважением.

Он прошёл в сарай, откуда доносились необычные звуки. Открыл хлипкую дверь и пропустил меня вперёд. Вот где я удивился! Это оказался настоящий курятник. Я раньше такое только по телику видел. Там было полно куриц. Они носились в разные стороны, расталкивали друг друга и кудахтали, будто переругивались. А петух, увидев нас, вскинул голову и замахал крыльями.

– Фофка, не кипятись! – Генка выставил вперёд руку.

Петух приосанился и повернулся боком, подглядывая одним глазом за Генкой.

– Это породистый петух. Видишь, какие помпоны на ногах? Его обязательно надо по имени называть, иначе в драку полезет. Смотри, – и Генка в доказательство задрал штанину. На его щиколотке виднелся глубокий заживший след размером с коренной зуб.

Потом он хитро посмотрел на меня и указал на ящички, набитые сеном:

– Выбирай!

Я заглянул в один и увидел три яйца. Три настоящих свежих яйца! Осторожно дотронулся до них:

– Ничего себе, они тёплые!

– Это наши курицы снесли! – гордо выдал Генка.

– А у меня хомяк есть, – зачем-то сказал я.

– Хомяк – это хорошо. Правда, от него пользы нет. Но не всё же в пользу измеряется, – рассудил Генка.

Мы засмеялись, а за стеной хрюкнул поросёнок.

– Там у нас Борька живёт, хочешь посмотреть?

– Давай в другой раз. Меня родители заждались.

– Ладно, я к тебе позже зайду, – сказал Генка, прикрывая дверь сарая.

Я нёс свежие яйца и думал, что у нас не такой уж и плохой дом. Вот только надо привести его в порядок. Я обернулся, ещё раз взглянул на зелёные наличники Генкиных окон, и мне очень-очень захотелось сделать что-нибудь полезное.

Кругосветка

– Будем корабль строить! – Генка с планшетом сидел у меня на крыльце и перескакивал с одного сайта по судостроению на другой.

После той старой, чёрно-белой фотографии с двумя мальчишками на плоту Генка теперь ни о чём думать не мог – он просто бредил кораблями.

А мне стало интересно: будет меня укачивать или нет? Я ведь раньше не то что на кораблях не плавал, даже на обычной лодке не катался.

– А вдруг у меня морская болезнь начнётся?

– Не начнётся, – заверил Генка. – Мы же не по морю поплывём, а по реке.

Но я всё равно сомневался:

– Не сможем мы корабль построить. Знаний не хватит.

– Да в Интернете любая инструкция есть, как и что делать, – не сдавался Генка. – Любой сможет, главное, материал подходящий найти.

Тогда я представил, как стою на капитанском мостике в белоснежной форме и фуражке. Мне в лицо дует ветер, летят брызги, а вокруг – только ярко-синее море... Но капитаном, наверное, будет Генка. Зато я могу быть штурманом. У меня и бинокль есть.

– Вот ведь засада, – Генка ткнул пальцем в планшет, – здесь пишут, сначала нужно чертёж сделать.

– И что? – не сразу сообразил я.

– Черчение-то у нас в седьмом классе начнётся.

А я только в шестой перешёл.

– Да и стройка, наверно, года два займёт, не меньше.

– А то и три, – расстроился было Генка, но сразу повеселел: – А зачем нам целый корабль? Он же в нашу речку не влезет!

И правда, речка в деревне метра три в ширину. Ну может четыре.

– Плот! Надо строить плот! – объявил Генка и снова нырнул в планшет. – Так, нам понадобятся два бревна, много досок и верёвка.

Я заглянул через его плечо на экран и увидел там плот. Почти такой же, как на старой фотографии.

– Знаешь, чего ему не хватает? – загадочно спросил Генка.

– Якоря?

– Сам ты якорь! Мы же плыть собираемся, а не стоять.

– Откуда я знаю, чего не хватает плоту, если мы его даже строить не начали.

Генка закатыл глаза и мечтательно сказал:

– У нас будет мачта... С парусами... Побежали ко мне за топором!

Я окончательно понял, что он настроен серьёзно. Только вот мне казалось, что сначала нужно построить плот, а потом уже приделывать мачту.

Мы захватили топор и спустились к речке. Генка долго выбирал ивовый ствол, проверял на прочность. Наконец нашёл нужный и одним точным ударом срубил. А я решил с него кору снять.

– Аккуратно, пальцы не обдери. Видишь, снизу кора отслоилась. Осторожно цепляй её и тяни к верхушке. – Генка показал, как это делается.

Я дёрнул, и кора легко заскользила. Гольй ствол становился гладким и немного склизким.

Когда мы снова вернулись во двор к Генке, он отыскал в сарае рейку и прибил её к нашей палке. Получилось что-то вроде креста.

– Теперь нужно парус найти, – Генка доверил мне сторожить мачту, а сам убежал в дом.

Вернулся он загадочный, что-то пряча под мятой футболкой, и протянул мне белый свёрток:

– Вот. Простыня.

– Ты что, её без спроса взял? – рассердился я.

– Чего сразу «без спроса»? – пробурчал Генка и выдернул из моих рук палку. – Одолжил у бабушки. На время.

Металлической проволокой я помог привязать простыню к перекладине мачты. Генка бегал по двору и, поймав парусом ветер, вопил:

– Право руля!.. Лево руля!.. Отдать швартовы!

– Может, плот уже строить начнём? – я сидел на траве и ждал, когда он наиграется с мачтой.

Генка так резко остановился, что парус накрыл его с головой. Высунув голову из белой простыни, он спросил:

– У тебя доски ненужные есть?

– Нет, у нас только дрова.

– Ладно, сейчас что-нибудь придумаем.

Спрятав мачту в сарай, он повёл меня в дальний конец огорода.

Генкин дом стоит последним в деревне, у самого леса. А между лесом и огородом – старый забор из шершавых досок.

– Вот зачем нам эта рухлядь, если здесь и так забор из деревьев стоит? – Генка подёргал доску, и она легко оторвалась.

– А твоя бабушка не заругается?

– Да она нам ещё спасибо скажет. У неё теперь будет дом с видом на лес.

– Нехорошо как-то получается...

– Отрывай, не бойся!

– Ну, если так... – я с треском оторвал одну доску.

Она разломилась надвое.

– Хлипкие они какие-то, – Генка дёрнул другую доску, и она тоже треснула. – Потонем.

– Может, во что-то другое поиграем?

– Поиграем? – вскипел Генка. – По-твоему, плот строить и сплавляться по реке – это игрушки?

– А чего ты сразу кричишь?

– Да я не то что кричать... – Генка едва сдерживал злость. – Я вообще с тобой говорить не хочу!

Он пнул ногой доску и ушёл. Даже не оглянулся ни разу. Я попробовал прицепить её обратно к забору, но у меня, конечно же, ничего не вышло.

Весь вечер я просидел дома. Поиграл с Кокошей и даже почистил её клетку. Заняться было нечем. Мама после моих ночных походов и истории с Нанозаврами отобрала у меня планшет. Правда, папа мне шепнул, что всего лишь на время, но от этого было не легче. А с Генкой я решил больше не разговаривать. Друг называется! Снова стало скучно.

Утром мама отправила меня в магазин. Я проходил мимо дома дяди Коли. Он настоящий рыбак, можно сказать, профессионал. Да и щедрый к тому же – всех в деревне рыбой угощает. Дядя Коля увидел меня и позвал:

– Эй, Тедди, иди, помоги-ка мне.

Оказалось, мыши его лодку прогрызли. Вот он её заклеил и надул. А одному поднимать неудобно, очень она большая, человек десять точно влезут. Мы занесли её в сарай. Вот там-то я и увидел спасательные жилеты.

– Дядя Коля, вы что, плавать не умеете?

– Хех, глупый, – сказал дядя Коля. – Если выходишь на воду, спасательный жилет всегда надевать нужно, мало ли что. Вода, она такая – капризная.

Не успел я выйти из-за дядь Колиной калитки, как меня окликнул Генка:

– А ты чего не дома?

– Тебя мне, что ли, дожидаться? – я всё ещё обижался на него.

– Конечно! Я тебе такое расскажу!

– Ты же со мной разговаривать не хотел?

Но он пропустил слова мимо ушей и сунул мне под нос планшет. На экране было синее море, а на волнах – что-то большое и оранжевое.

– Это что, подводная лодка?

– Круче! Это капсула. А если по-простому, огромная бочка.

– Ничего не понимаю, – я взгляделся в экран.

– Сейчас объясню, – Генка увеличил фотографию. – Вчера всё думал, как нам в кругосветку пойти. Весь Интернет перевернул и нашёл суперинтересную статью. Француз Жан-Жак Савен переплыл в этой бочке Атлантический океан. Представляешь?

– Ну, так у него же мотор наверняка был?

– Какой мотор? Это неуправляемая капсула! Он полагался на волю морского течения. А бочка такая крепкая, что любая косатка об неё все зубы пообломает.

– Где же мы такую бочку найдём?

– Уже всё продумано. Только для этого нам сначала огурцы полить нужно.

Я решил, что Генка совсем свихнулся:

– А причём здесь огурцы?

– Пойдём, сейчас узнаешь.

– Мне в магазин надо...

– Да потом сходишь.

И мы полили огурцы у Генки в теплице. Когда в бочке почти не осталось воды, Генка сказал:

– Готово. Вот и наш корабль!

Я огляделся по сторонам, но ничего не увидел:

– Ты чего, совсем перетрудился?

– Ничего я не перетрудился! – Генка наклонил синюю пластиковую бочку и вылил из неё остатки воды. – Мы с тобой повторим подвиг того француза!

Я уставился на бочку, а потом внимательно посмотрел на Генку:

– Нет, ты точно ненормальный. Просто помещался на своих кораблях.

– Да ну тебя, один поплыву!

И он потащил бочку с огорода. А разве можно друга бросить?

– Давай помогу, – сказал я и приподнял дно бочки. Она хоть и большая была, зато лёгкой оказалась. – Только как же мы в ней поплывём? У неё даже крышки нет.

– Стоя!

– Так она ж перевернётся!

– Что бы ты без меня делал? – снисходительно сказал Генка. Он пошёл в сарай и выволок оттуда огромный толстый лист пенопласта.

– Запомни, Тедди: никогда ничего не выкидывай. В хозяйстве всё пригодится.

Генка замерил дно бочки и принялся вырезать такой же круг ровно посередине листа. Пенопласт противно скрипел, будто ногтем по стеклу царапали. Когда всё было готово, Генка приподнял бочку и вставил в дырку. Получился бочкоплот.

– Вот! Крепко держится. Теперь ничего у нас не перевернётся, и поплывём мы с тобой в дальние страны, – говорил Генка, деловито обходя «корабль», то есть бочкоплот.

– Нам бы ещё капитана Флинта, – размечтался я.

– Какого капитана? – насторожился Генка. – Кому ты ещё про кругосветку рассказывал?

– Да никому я не говорил! Так попугая звали из «Острова сокровищ». Ты что, не читал?

– Не читал, – надулся Генка. – Ты лучше домой сбегай, нужно в дорогу собраться.

– А когда отплываем?

– Через полчаса.

Дома я насыпал в коробок соль, взял четыре огурца, батон и печенье. Захватил с собой тёплый свитер на случай холодного ветра и бинокль. Я уже выходил из дома, когда меня окликнула мама:

– Теодор, ты в магазин сходил?

– Ой, забыл. Я попозже, ладно? Мне очень к Генке нужно.

– Сначала сходи в магазин!

– Да ладно тебе, – сказал папа. (Он печатал на ноутбуке очередную статью.) – Пусть ребёнок погуляет.

Я воспользовался моментом и убежал.

Узнать Генку было трудно. На крыльце, рядом с походным рюкзаком, сидел здоровенный прорезиненный плащ зелёного цвета, из которого выглядывала Генкина физиономия. Физиономия улыбнулась и сказала:

– Я мачту понесу, а ты бочку тащи.

На боку бочки белела кривая надпись: «Кайвакса».

– В честь нашей деревни назвал, – гордо добавил Генка. – С трудом у бабушки краску выпросил.

Настоящими морскими волками мы двинулись к речке. Впереди, то и дело подпрыгивая и поправляя рюкзаки, шёл Генка. Путаясь в длинном плаще, он на вытянутых руках нёс мачту с парусом. Я, обнимаясь с бочкой, высоко поднимал ноги, чтобы не биться ими о лист пенопласта.

Пока я бегал домой за огурцами и батоном, Генка придумал песню моряков. И теперь мы во всё горло распевали:

*В банке ки-ильки, в бочке шпро-ты,
Мы поймает ка-ша-ло-та!*

*В банке щу-ука, в бочке сом,
В кругосветку по-плы-вём!*

Вот так весело мы добрались до моста, перекинутого через речку, и я поставил на него бочку. Генка снял рюкзак и принялся возиться с мачтой.

– Да как же её закрепить? – пыхтел он, а потом неожиданно спросил: – Ты плавать умеешь?

Плавать я как раз таки не умел. Но не признаваться же перед самым путешествием?

– Чего там уметь? Гребь себе руками и смотри, чтобы вода в нос не попадала. А ты зачем интересуешься?

– На случай кораблекрушения, – серьёзно сказал Генка. Он запутался в простыне и старался её расправить.

Я сглотнул. Никакого кораблекрушения, а тем более бочкокрушения совсем не хотелось. Тогда мне пришла идея.

– А давай у дяди Коли спасательные жилеты попросим? Я видел, у него есть.

Генка взглянул на меня, как на комара. А он комаров терпеть не может. Говорит, они его драгоценную кровь без спроса крадут.

– Ты когда-нибудь видел капитана, или штурмана, или какого-нибудь захудалого матроса в спасательном жилете? Да нас все местные караси засмеют!

Я представил себе эту картину и хихикнул.

– Лучше подумай, – всё ещё бушевал Генка, – как нам рюкзак в эту бочку засунуть, чтобы и мы вместе с ним поместились?

Я посмотрел на бочку так, словно мы с ней впервые встретились. Огромный рюкзак в неё не поместится. Места здесь – не разбежишься.

– А кто тебя просил полдома в него запихивать? Не удивлюсь, если ты туда корову Бабзой засунул.

Генка засопел и раскрыл рюкзак. Я чуть в обморок не упал, когда увидел, что он с собой набрал. Разглядел отвертку, молоток, нитки, котелок, тетрадь в клетку, циркуль, бинт, зелёнку, шнурки, фотографию родителей в деревянной рамке, поллитровую банку клубничного варенья, хлеб, сухарики, луковицу (чтобы не заболеть цингой, как пояснил Генка) и ещё много всякой всячины.

Вдруг из рюкзака выскочила мышь. От неожиданности я даже отскочил за бочку. А мышь пробежала по мостику и юркнула в траву.

– Крысы на корабле – обычное явление, – спокойно сказал Генка.

– А тебя не настораживает, что эта крыса, как ты её называешь, с корабля бежит? – засомневался я.

– Не каркай!

Из всех вещей Генка оставил только две пачки сухариков и разложил по карманам своего здорового плаща. Остальное сложил обратно в рюкзак и спрятал его в ивовых кустах.

Затем с важным видом взошёл на мостик и громко произнёс:

– Отдать швартовы!

Я как мог торжественно опустил бочку на воду, стараясь держать мачту ровно. Но она никак не же-

лала стоять в бочке, кренилась и наконец всё-таки плюхнулась на бок.

Мы попадали на мост, стараясь схватить мачту. Но она так и норовила от нас ускользнуть. В это время бочка отчалила.

– Лови её! – завопил Генка, колотя ладонями по воде.

Наконец, мне удалось ухватиться за мачту и подтянуть бочку.

– Ну вот, парус намок, – расстроился Генка. – Помоги.

Мы выжали простыню. Потом я взялся за бочку с одной стороны, а Генка с другой. Осторожно спустили её на воду и убрали руки. Бочка постояла секунду в нерешительности и снова стала уплывать.

– Да как же в неё забраться? – Генка почесал затылок.

Мы раз десять подступались, но залезть никак не могли.

– Не получится, – отчаялся я. – Не влезем мы вдвоём в бочку. Вон она у тебя какая узкая!

– Ты лучше спасибо скажи, что хоть такая есть! Если бы не я, мы бы вообще никуда не поплыли.

– А мы разве поплыли?

– Взять бы и сам что-нибудь придумал. А то всё я да я.

– А кто тебе огурцы поливать помогал? Гуси?!

– Причём здесь гуси? – уставился на меня Генка.

Но отвечать мне уже ничего не пришлось. Под горку, к мосту, с диким гоготанием неслась даже не стая, а целое стадо гусей. Эти гуси – самые дикие звери в нашей деревне. Слушаются они только свою хозяйку, тётю Нину. И то, когда она им длинным ивовым прутом грозит. Со всеми остальными гуси ведут себя злобно. А щиплются они очень даже больно. Генка на себе проверял.

До сих пор не могу понять, как это получилось. Всё произошло за считанные секунды! Гуси неслись прямо на нас нескончаемым белоснежным войском. Они раздвигали могучие крылья, выгибали шеи и громко шипели.

От ужаса предстоящей расправы мы с Генкой, не стовариваясь, запрыгнули в бочку. Она тут же ушла в воду на две трети и стала раскачиваться, словно неваляшка, в разные стороны. Генка схватил с мостика мачту и заработал ею как шестом.

Бочка то и дело зачерпывала воду, будто хотела напиться. А я размахивал руками, пытаюсь удерживать равновесие.

– Да не вертись ты, – Генка ткнул меня локтем в бок. – Сейчас перевернёмся.

– Здесь дно какое-то неровное, – оправдывался я.

– Это ты на моей ноге стоишь. Все пальцы отдавил.

А гуси уже попрыгали с мостика в речку и устремились за нами. Они едва касались лапами воды и всё так же грозно шипели. Шум крыльев оглушал. Казалось, за нами летят десятки самолётов-истребителей.

Речка уходила влево, и нашу бочку занесло на повороте. Уцепившись за ветку ивы, склонившуюся

к воде, я выправил направление. Генка изо всех сил оттолкнулся мачтой от противоположного берега, и мы вошли в поворот. Но это нас не спасло.

Гуси устремились за нами и атаковали бочку разом со всех сторон. Они клевали её твёрдыми жёлтыми клювами, оставляя вмятины. Куски пенопласта со скрипом отрывались и разлетались в стороны.

– Сейчас я вам покажу, воробьи несчастные! – кричал Генка, отбиваясь мачтой, и хлестал гусей мокрой простыней. Бочка страшно раскачивалась и в любой момент могла перевернуться. – Пошли отсюда! Брысь! Тедди, помогай мне. Я один с ними не справлюсь.

А я спрятался в бочке и безропотно ждал своей участи. Почему-то вспомнил, как сказал маме, что её котлеты невкусные, и отказался есть. Я видел: она огорчилась. И здесь, в бочке, мне отчаянно захотелось ей сказать, что у неё самые лучшие котлеты в мире.

Генка из последних сил сражался с гусями, видимо, решившими нас утопить. И тут я вспомнил про сухарики. Обшарил плащ и вытащил из кармана хрустящий пакет. Разорвав его, высунулся из бочки и бросил сухарики в воду. В тот же миг гуси, как ополоумевшие, набросились на еду.

– У, зверюги, настоящие хищники, – закричал Генка и снова заработал мачтой как шестом. – Молодец Тедди, здорово придумал!

– Если они так сухари лопают, то что же они с нами сделают? – я оглянулся назад.

– В кармане ещё пачка есть.

– А дальше что? У нас не завод по изготовлению сухарей. Рано или поздно догонят...

Гуси быстро расправились с добычей и снова грозно уставились на нас, вытянув шеи. Генка сжал мачту побелевшими пальцами. Я прикрыл глаза.

И вдруг раздался пронзительный свист. Так умеет свистеть только тётя Нина. Значит, она пришла к мостику, а гусей-то и нет. Огромные белые птицы приподнялись на лапах из воды, расправили крылья и поплыли к мостику.

Мы поверить не могли своему счастью. Генка так обрадовался, что бросился меня обнимать, отпустив мачту. И чего он обниматься полез, когда мы и так стояли плотно прижатые друг к другу?

Тут бочка накренилась сильнее и с громким всплеском завалилась на бок. И мы, конечно, пошли ко дну.

Генка первым вылез из бочки, выпутался из плаща и поплыл к берегу. А я никуда не поплыл, потому что не умел. Только беспомощно бил руками по воде, пускал пузыри и погружался всё ниже. Глаза ужасно болели. Передо мной поднимался речной песок и кружились водоросли. Воздуха не хватало. Стало жутко. Хотелось открыть рот и глотнуть воздуха.

Я почувствовал, как кто-то крепко схватил меня за шиворот и потянул вверх. Я запаниковал и лягнулся от страха. А вдруг это огромная хищная рыба? Глаза резало от поднявшегося ила, но я смог разглядеть чьи-то ноги. Когда, наконец, вынырнул на поверхность, увидел Генку. Это был мой лучший

друг Генка! Он подтащил меня поближе к берегу и подтолкнул, чтобы я смог выбраться, уцепившись за острую осоку.

Обессиленные и мокрые насквозь, мы лежали в густой колючей траве тяжело дыша.

– Ты меня спас, – эта мысль меня поразила. Сердце забило быстро и радостно. – Только что.

Генка долго-долго молчал, а потом сказал:

– Спорим, Жан-Жаку Савену с его капсулой такие приключения и не снились?

– Подумаешь, косатки! – поддакнул я. – Попробовал бы он от гусей отбиться!

Мы засмеялись и никак не могли остановиться. Наш пластмассовый, побитый гусями «корабль» уплывал всё дальше, унося мечты о кругосветном путешествии. Солнце клонилось к закату, и пора было возвращаться. Мы вытащили из ивовых кустов тяжеленный рюкзак и, шатаясь от усталости, поволокли его домой.

Добравшись до Генкиной калитки, увидели его бабушку. Таисия Семёновна сидела на крыльце и задумчиво смотрела вдаль. Заметив нас, она воскликнула:

– Гена! У нас ведь бочку украли!

– Как украли? – в один голос удивились мы.

– Пошла я в теплицу, а бочки-то и нет. И вот что странно: вор сперва все огурцы полил. А потом я дыру в заборе обнаружила.

– Так это ж не вор... – начал я объяснять.

Генка пнул меня по ноге и закончил:

– Это настоящий грабитель!

– А вы чего сырые такие? – удивилась Таисия Семёновна.

– Да так, купались, – ответил Генка.

Расстроенная пропажей бочки Таисия Семёновна махнула рукой и ушла в дом.

– Ты зачем соврал? – набросился я на Генку.

– Не знаю, – он пожал плечами. – Чтобы бабушка не огорчать.

– А так она ещё больше расстроилась. Пойдём и всё расскажем.

Пока мы во всём сознавались, Таисия Семёновна только охала и качала головой.

– Бабушка, как же мы теперь без бочки? Я ведь не думал, что она без нас уплывёт.

– Вы лучше скажите, что теперь с дырой в заборе делать?

– Бабуль, ты не переживай, мы её обязательно заделаем. Правда, Тедди?

– Ага, – кивнул я.

Мы вышли во двор.

– Вот было бы здорово вора поймать! Может, мы за это ещё и медаль бы получили, – размышлял Генка.

– И кого ты собрался ловить? Никто же ничего не украл.

– Это дело времени, – уверенно сказал он.

Иногда мне кажется, что Генка бывает настоящим провидцем. Скажет что-то, и оно непременно сбывается. Починку забора мы решили перенести на завтра. И никто не подозревал, к каким последствиям это приведёт.